

С ПРАЗДНИКОМ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
К борьбе за дело Коммунистической партии
Советского Союза будьте готовы!

Орган Центрального Комитета
ВЛКСМ и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской организации
имени В. И. ЛЕНИНА

Пионерская ПРАВДА

Год издания 45-й
№ 89 [5360]

★ Пятница, 7 ноября 1969 г. ★ Цена 1 коп.

Рисунок Е. ЛИТВИНОВА.

ВРЕМЯ, ВПЕРЁД!

Когда ты берёшь в руки глобус и смотришь на привычные пересечения меридианов и параллелей, ты знаешь, что облик земного шара постоянно меняется, что идёт упорная борьба со злом и насилием и всё больше и больше становится у тебя друзей на планете.

«Время работает на нас», — говорят люди труда.

У каждого времени свой голос. Прислушайся: над площадью несутся торжественные и мощные звуки. Это голос нашего времени, голос Кремлёвских курантов. Они созывают сегодня всех, кто сквозь годы сражений прорвался в будущее.

Над морем голов, на каждом стяге — Ленин, весь — порыв, весь — призыв к действию. По площади идут ветераны Революции, герои Отечественной, идут целинники, строители, рабочие, учёные. Площадь приветст-

вует всех, кто, ускоряя время, строит мир справедливый, мир для трудящихся.

От лихого бега тачанки до второй космической скорости — вот быстрота нашего движения, в будущее.

Скоро ты станешь взрослым. Но уже сегодня, сейчас ты готовишься стать строителем будущего, творцом всего светлого и хорошего на земном большом шаре. Не теряй ни минуты даром. Пусть твоим девизом будут слова: «Время, вперёд!»

ПРОФЕССИЯ?

Интервью нашего корреспондента
М. Барановой
с членом ЦК Коммунистической
партии Венесуэлы
ПОМПЕИО МАРКЕСОМ

РЕВОЛЮЦИОНЕР

3 НАКОМЬТЕСЬ. Помпейо Маркес, — слышу голос переводчика и ощущаю крепкое рукопожатие.

Тёмные большие глаза из-под очков смотрят доброжелательно. Сильная, широкоплечая фигура (с детства занимался боксом) излучает энергию. Быстрые жесты выразительны, как у оратора. Всё это вместе — Маркес, человек, для которого борьба — родная стихия, а профессия революционера — лучшая из возможных.

Я смотрю на него и думаю: с чего же начать? У меня так мало времени, вернее, у него. Может быть, сразу с операции «Книга»?

Я точно не знаю, почему эта операция побега из средневековой крепости так называлась. Может быть, потому, что Маркес в крепости всё время писал книги?

— О, этот побег был шоком для «гориллы!» («Гориллы» — это венесуэльская охранка).

Ещё бы! Упустить такую троицу: Помпейо Маркеса, Гильермо Гарсиа Понсе, Теодоро Петкова — талантливейших вожakov компартии.

Если бы древние стены крепости Сан-Карлос вдруг обрели дар речи, то из всех историй, рассказанных ими, эта была бы самой потрясающей.

Крепость Сан-Карлос охраняют танки, батальон солдат, целый штат тайной полиции. У магазинчика, что стоит как раз напротив крепости, тоже дежурит танк, у самого входа — часовой. Широко улыбаясь часовому, проходим на свой склад хозяин магазина Симон Неме. Симона знает каждый солдат, он часто отпускает товары военным в долг и потому имеет круглосуточный пропуск. Каждый день на пикапе «шверло» хозяин отправляется за город. Километрах в пятидесяти от Каракаса он тормозит и начинает выгружать из мешков «товар» — землю. Тот года совершает такие поездки Симон. Иногда между делом он выходит на улицу, чтобы поиграть с мальчишками в футбол. Такая странность простительна, она вызывает улыбку у солдат. Обычно Симон стоит в воротах между двумя кирпичниками. Когда он устраивает ворота, кирпичники высказывают из рук на мостовую. Звук падающих кирпичей уходит на глубину четырёх метров. Там, в узком тоннеле, к слабым ударам напряжённо прислушивается Нельсон Лопес. Он определяет направление подкопа. День за днём вырывается Нельсон в землю. Он работает при сорокаградусной жаре, поджогом. Симон Неме — руководитель подкопа — дал ему точный план. Надо пройти сорок четыре метра до угловой камеры крепости. Для этого потребуются три года жизни, три года мучительной, изнуряющей работы. Зато те трое выйдут на свободу, будут действовать, они очень нужны партии. Это случится в марте 1967 года...

— Расскажите подробно об этом дне, — прошу у Маркеса.

— С утра мы были спокойны, и все, кто должен был убежать, работали, писал и даже пытались спорить. Всем своим видом мы показывали охранникам, что ничего не ждём, что у нас тот же режим, что и вчера. Правда, я заметил «потолстел» в тот день. Я был буквально начинён страницами моих будущих книг, которые собрался опубликовать на свободе. Исписанные листы были в специальных чулках, в брюках, в широкой куртке.

Приближался вечер. В 6 часов 30 минут Симон Неме подошёл к люку в своём магазине. В 7 часов на другом конце тоннеля Нельсон Лопес приготовился поднять гидравлическим домкратом часть пола камеры. Время от времени мы указывали стуком, где мы. И когда, наконец, услышали ответный стук, вскопали со своих мест. Три года ждали этого момента, представляли себе, как это будет, и всё-таки, когда на наших глазах стал подниматься пол и мы увидели в образовавшемся проёме потное, грязное и такое прекрасное лицо нашего товарища, мы замер-

ли, прижавшись плечом к плечу. Через секунду прыгнул в люк Понсе, потом я, за мной Петков. Мы поползли, тяжело дыша, по узкому проходу. У второго люка, выходящего на склад магазина, нас ждал Симон. Он схватил меня в объятия, по его лицу текли слёзы. Это сейчас я говорю медленно, а тогда всё произошло мгновенно и в абсолютной тишине. Говорили только наши глаза. Потому что в двух метрах от нас за дверью стоял часовой. Через минуту мы уже были в машине, лежали, плотно прижавшись друг к другу. Машина, как всегда, выехала со склада, Симон помахал часовому, и мы помчались по городу. Где-то в переулке пикап затормозил, и меня пересадили в другую машину. Ещё несколько секунд сумасшедшей езды — и я в третьей машине, затем в четвёртой. Точно так же из машины в машину пересаживали каждого из беглецов.

Только четвёртая машина доставила меня в конспиративный дом. С того момента, как я прыгнул в люк подкопа и оказался в нужном месте, прошло всего сорок минут. Через три дня я сменил своё убежище, а ещё через две недели я стал выполнять обязанности Генерального секретаря Компартии Венесуэлы, так как товарищ Хесус Фариа в тот период был болен.

Так закончилась операция «Книга». Она потрясла весь мир.

— Товарищ Маркес, почему вы выбрали профессию революционера?

— Когда мне исполнилось пятнадцать лет, умер диктатор Венесуэлы Гомес. Его смерть вызвала надежду на перемены, компартия вышла из подполья. Всюду шли бурные митинги, на домах висели плакаты. Я учился тогда на первом курсе лицея и вступил в студенческую федерацию. Моим первым поручением было учить писать и читать каменишков Каракаса. Однажды во время столкновения студентов с полицией, когда был убит наш студент и четыреста арестованы, впервые подвергся аресту и я. Между 1937 и 1939 годами я побывал в тюрьме двенадцать раз. В заключении я подружился с коммунистами, некоторые из них только что вернулись из Европы. Они очень много рассказывали о Советской стране, о партии, о Ленине. Согласитесь, это была отличная партийная школа.

Чего добиваются коммунисты Венесуэлы? Я отвечаю просто: мы хотим свергнуть царство богатых и установить власть бедных. Мы хотим сделать то, что в своё время сделали большевики в России. Я люблю книги Ленина, я читаю их постоянно. Мой идеал вождя, революционера и просто человека? Ленин. Да,

Ленин. А СССР, как бы это выразить поточнее, — важный факт, который помогает в нашей борьбе. Когда мы составляем программу действия, мы думаем о всех «за» и «против». Так вот, СССР — это всегда «за», это живой, постоянный пример для нас.

— Какие черты характера главные, по-вашему, для революционера?

Мой вопрос волнует Маркеса. Он наклоняется всем корпусом вперёд, словно делает выпад, и говорит, ни на минуту не выпуская из поля зрения моего лица, словно перед ним не корреспондент местной газеты, а человек, которого он убеждает, с которым он спорит. Наверное, это бывает каждый раз, когда он говорит о профессии революционера. Он должен быть уверен, что вы его поняли, и не только поняли, а стали его единомышленником.

— Прежде всего, — говорит он, — чтобы стать революционером, надо самому увидеть и глубоко почувствовать всю несправедливость окружающей, видеть нищету и бедность своего народа. Только тогда можно найти общий язык и с каменишкой, и со сборщиком кофе, и с шахтёром, добывающим золото в самой глубокие джунгли.

Революционер должен отказаться от всего, что мешает его борьбе. Он должен уметь жертвовать собой и в то же время не падать духом при поражении. И самое главное — революционер должен быть верным той теории, которую он выбрал. Для меня такой теорией стал марксизм-ленинизм.

Замечали ли вы, как мчится галопом время, когда разговариваешь с человеком пламенным? Переводчик то и дело поглядывает на часы.

— Последний, самый последний вопрос.

— О чём бы я сам хотел рассказать вашим читателям? О детях подпольщи-

ков. Мне кажется, что ваши дети плохо себе представляют, что это такое — жить в подполье. Когда маленькие дети, живые, подвижные, со свойственной им жадной общиной, вынуждены замыкаться. Эти дети — маленькие хранители тайн, пусть до конца не всегда осознанных. Я бы рассказал и о своих детях: об Иване, Тане, Наташе и Луис (по-русски «луис» — «свет»). Во времена диктатора Хименеса моя жена (она тоже коммунистка) и четверо детей жили в подполье. Мы без конца меняли квартиры, дети не могли показываться на улице, дружить с другими детьми, учиться в школе. Все они, кроме младшей Луис, сидели в тюрьме. Ивану было 13, Наташе — 14, а Тане — 15 лет, когда их в первый раз заключили в тюрьму.

— За что же? — вырвалось у меня.

— Просто за то, что они были моими детьми. Охранка напала на наш дом. Солдаты не имели права меня уведомить: я был в ту пору сенатором, и тогда уведели Ивана, в отместку. Да, здоровенные «гориллы» уведели мальчика. Они продержали его в заключении пятнадцать дней, и этих дней было достаточно, чтобы он возненавидел существующий порядок. Танию и Наташу посадили в тюрьму за активную деятельность в молодёжном движении. В 1964 году, когда я был заключён в крепость Сан-Карлос, охранка опять ворвалась в наш дом и схватила Ивана и Танию. На этот раз Иван был в тюрьме три месяца, а Тания четыре. Нет, они не падали духом. Да, их допрашивали. Но ведь они старые конспираторы! Они привыкли молчать, когда это нужно для дела. Они мои единомышленники. Вы понимаете, как это много и какое это счастье для революционера?

Я энергично киваю. Маркес улыбается и облегчённо откидывается к спинке кресла. Интервью закончено.

Он сегодня вместе, настоящие друзья, — московские школьники и товарищ ПОМПЕИО МАРКЕС.

